
Павел Пепперштейн

За что мы любим философию?

Философия – это любовь к мудрости. Сама очевидность смысла, содержащегося в этом слове, указывает на то, что мудрость заслуживает любви. Понятно, за что мы любим мудрость. Но за что мы любим любовь к мудрости?

Можно сказать, что любой любящий любит свою любовь, но ведь не любой любящий любит свою любовь.

Ответ на наш вопрос следует искать в банальном языке. В этом банальном языке философия ассоциируется со спокойствием, с отстраненностью. Существует выражение «относиться к этому философски», что означает «спокойно, дистанцированно». Эту связку между философией и спокойствием создали греческие философы, прежде всего стоики, и во многом этой связке мы и обязаны популярностью философии. В философии ищут не столько любви, сколько успокоения, даже хладнокровия. Поэтому любовь к философии – это любовь к покою, скрывающемуся за фасадом тревожного поиска истины.

Для того чтобы сохранить это очарование отстраненности, носителю банального языка следует воздерживаться от общения с профессиональными философами: это люди часто беспокойные, и волнуют их (причем до глубины души) нередко очень мелоч-

ные обстоятельства. Сами они не отличаются хладнокровием и спокойствием, да и не стремятся к этому; скорее их привлекает страсть. Они нередко видят себя пылкими политиками, замкнувшими свои революционные или контрреволюционные очки в перспективу обособленного прорыва к живому источнику состоявшейся галлюцинации.

Путь философа, как и путь поэта, приводит его после множества приключений и испытаний к некоему осколку (иногда это осколок будущего), и возле этого осколка философ или погружается в волшебный сон, в котором ему позволено созерцать то целое, от коего отщеплен был драгоценный осколок, либо он совершает этим осколком серию тревожных и страстных манипуляций (и тут ему уж совсем ни к чему тот покой, который мерещится банальному языку): он, например, терзает себя этим осколком и в принципе может уничтожить или осколок, или себя. Если же общественное существо в нем берет верх, то он отказывается и от блаженного волшебного сна, и от мучительных терзаний; вместо этого он, как приказывает ему научная этическая традиция, преподносит обнаруженный им осколок обществу, а сам занимает позицию его комментатора или же повествователя истории о том, как осколок был найден. Тем временем голос пылкого политика продолжает звучать в его сознании, настойчиво призывая забыть об осколке.

Что же говорит пылкий политик?

В той слабой степени, в какой я являюсь в своих собственных глазах философом, я также временами слышу голос пылкого политика в своем сознании. Он столь же слаб, как и мое ощущение себя философом, но говорит вещи проникновенные. Он всегда желает быть наивным и апеллирует к детскому состоянию широко открытых глаз. Речь его настолько искренняя, что может показаться фальсификацией, хотя таковой не является. Вот что говорит пылкий политик. Речь его называется «The Cold Dish».

THE COLD DISH

Я обращаюсь ко всем, кто любит эту страну, к тем, кто любит ее именно как страну, как место, как живое существо со своим телом и своей душой, а не как сумму живущих в ней людей, не как сумму легенд, исторических обстоятельств и экономических потенциалов, не как хозяйство, которым следует распорядиться с умом.

Людям этой страны почти всегда удавалось испытать мощное пробуждение, мощное побуждение к действию в случае открытой агрессии. Почти всегда удавалось «восстать на смертный бой», чтобы защитить ее – свою страну, – и они защищали ее как возлюбленную, а не как свою вотчину, свое добро, свою экономическую территорию.

Абсолютное большинство людей, которые гибли за нашу страну, ничем в ней не владели, наоборот – это ими владела любовь к Родине: иррациональная и эротическая по своей сути стихия, которой они отдавались со страстью любовников и твердостью религиозных адептов.

И страну удавалось отстоять, спасти. Но случаются времена (и наше время – одно из них), когда перед людьми нашей страны встает задача более сложная – защитить свою страну не от врагов, а от самих себя. Сейчас все, кто действительно любит нашу страну (к какому бы народу они ни принадлежали), должны защитить ее прежде всего от самих себя, причем сложность состоит в том, что бороться придется далеко не с самыми скверными своими свойствами, наоборот, с теми свойствами, которые всегда считались прекрасными, ценнейшими – с трудолюбием, с хозяйственностью, с рачительностью, с прагматическим разумом. Чтобы спасти свою страну, людям придется восстать против своего же правления, сбросить себя с трона видов, и это саморазрушение человеческой власти над миром представляет собой единственный шанс на спасение человека и человеческого смысла.

Спасение требует скорости, но если спасти страну и ее духов не удастся, то остается еще месть, и тут уж некуда торопиться – месть старых домов будет по-стариковски неторопливой, но по-детски жестокой. Торопиться некуда, духовная месть, пред-

назначенная силам обновления, – дело тонкое, филигранное, к тому же, как говорят в фильме Тарантино: «Месть – это блюдо, которое подают холодным».

Силы обновления заслужили это холодное блюдо, поскольку они совершили то, что издревле называется «изнасилованием возлюбленной» (в данном случае – России).

Данная заметка, написанная в духе «каприччо», представляет собой попытку взглянуть на нынешнюю ситуацию взглядом человека эпохи расцвета романтизма – прежде всего этот взгляд, если бы он был возможен, отметил бы большую черную дыру в современной культуре, располагающуюся в том месте, где раньше находилась сияющая фигура поэта. Мы не замечаем этой дыры, потому что считаем ее естественным следствием обстоятельств, но романтик безусловно был бы потрясен этим зиянием, расценив его, вероятно, как симптом глубинного кризиса, охватившего национальные языки, симптом потрясающей слабости, проникшей в глубинные слои существования национальных языков – слабости, навеваемой процессом глобализации, ветром единообразия, дующим над миром. Конечно же, рок- и поп-музыканты, рэперы и киноактеры отчасти выступают как «поэты наших дней»; к этой группировке принадлежит и философ.

В любом случае, в недрах национальных языков, возможно, еще скрываются вулканические силы, способные, внезапно прорвавшись, разнести в клочья проект единого мира.

4 сентября 2008, Амстердам

VI

